

В. А. Курганская²

ДИСКУРС НАЦИОНАЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ПОСТМОДЕРНА

Постмодернизм характеризуется Ж.-Ф. Лиотаром как выход из употребления метанарративного механизма легитимации и всех основанных на нем социальных, политических, интеллектуальных практик. В связи с этим представляется важным и актуальным исследование тех стратегий делегитимации традиционных форм нациестроительства и поиска принципиально новых оснований теоретического дискурса и политико-правовой реализации легитимности гражданской и этнокультурной идентичности, которые разработаны в политической антропологии постмодерна.

Дискурс национализма может проводиться в различных дисциплинарных и междисциплинарных пространствах. Относительно новая дисциплина — политическая антропология — небезосновательно рассматривается как одна из наиболее перспективных областей исследования феноменов нации, национальной идентичности и политической идеологии национализма.

Согласно одному из определений, «политическая антропология — наука о “человеке политическом”»: о субъекте политического творчества, его возможностях, границах, специфике его воздействия на социальную и духовную среду общества»³. Такому расширительному определению предмета политической антропологии непосредственно противоречит положение о том, что политическая антропология «стремится к описанию и анализу политических систем (структуры, процессы и представления), свойственных обществам, считающимся примитивными или архаическими»⁴. В сопряжении этих предметных областей и исследовательских интенций политической антропологии формируется особая проблемная ситуа-

ция: каким образом анализ архаических типов политической организации, давно сошедших с исторической сцены или ютящихся в анклавах и на задворках современной постиндустриальной цивилизации, может служить способом осмысления человека как субъекта политической жизни современного государства?

Разрешение этой проблемы в политической антропологии постмодерна связывается с радикальным изменением социального контекста эпистемологии. В «королевской науке» мысль заключает себя в универсальный образ — форму-государство. Повиновение государству есть повиновение чистому разуму. Поэтому неудивительно, что философ стал государственным служащим.

Исторически философия ретерриторируется в национальном государстве соответственно духу того или иного народа. Поэтому история философии отмечена национальными чертами, и становится возможной геофилософия как изучение географии и этнологии разума. Жак Деррида утверждал: «Национализм не только входит как акциденция или как некое зло в философию, которая ему чужда и которая по своему сущностному призванию космополитична и универсалистична, но национализм по существу философичен, он — философия, он — дискурс, структура которого философская»⁵. Однако имманентная связь философии и национализма не означает необходимости их подчинения форме-государству.

Современные национальные государства представляют собой модели реализации имманентной аксиоматики денежных, трудовых, товарных потоков мирового капиталистического рынка — аксиоматики, уничтожающей дополнительные трансцендентные кодировки в виде своеобразия национального характера и культуры. Эти модели реализации могут быть самыми разными, но все они изоморфны в своем отношении к мировому рынку. Поэтому философские концепты, принимая форму-государство, мутируют в «мысли-для-рынка».

Между тем «номадическая наука» выпадает из формы-государства и предписываемого ею конформизма. Из определения Ж. Баландье видно, что политическая антропология не связывает феномен «человека политического» с существованием административно-политического аппарата государства. С точки зрения поли-

² Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. книг: «Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий», «Правосознание этнических групп Казахстана: социокультурный контекст формирования», «Казахстанская модель межэтнической интеграции» (в соавт.), «Постиндустриальные тренды в стратегии инновационного развития Республики Казахстан» (в соавт.), «Управление рисками в сфере внутренней политики Республики Казахстан» (в соавт.), «Экология культуры в формировании современной картины мира» (в соавт.) и др.

³ Ильин В. В., Панарин А. С., Бадовский Д. В. Политическая антропология. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1995. С. 88.

⁴ Баландье Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. С. 13.

⁵ Деррида Ж. Национальность и философский национализм // Деррида Ж. Позиции. М.: Академ. проект, 2007. С. 137.

тической антропологии политика как отношение распределения власти между индивидами и общественными группами характеризует все типы общества. Тем самым теряет свою принципиальность дихотомия сегментарных догосударственных и централизованных этатистских обществ. Данное положение особо актуально для понимания сути политики и определения базовых политических категорий в современном мире обществ сетевой морфологии.

Социокультурное пространство мира постмодерна эволюционирует по бифуркационной диаграмме доминирования двух взаимоисключающих трендов: 1) стирание граней, разделяющих классы, расы, нации, государства; 2) дробление макроскопических социальных образований на малые группы со своей локальной культурой (субкультурой). Такого рода микрогруппы Ж. Делез и Ф. Гваттари назвали «номадическими племенами», имеющими собственную «племенную культуру». Новый трайбализм или новый номадизм — форма проявления процессов демассификации личности и культуры и вместе с тем форма социальной фрагментации.

Утверждение фрагментарного характера множественности социальных идентичностей используется в философии постмодернизма как способ деконструкции бинарной логики господства и исключения, как вызов тотализирующим дискурсам со стороны мышления в категориях множественности и гетерогенных смесей («сборок»). В эпистемологии постмодерна, в стратегиях деконструкции «речь уже идет не о том, чтобы извлекать константы из переменных, а о помещении самих переменных в состоянии непрерывной вариации»¹. В политической антропологии постмодерна этот принцип применяется и к сфере коллективной (национальной, этнической) идентичности, которая принимает форму дрейфа по ризоморфным траекториям произвольно фрагментированного мира. Дезавуирование органических целостностей, формирующихся на основе механизма наследственно-преемственной эволюции, замещает их сингулярными сборками «воображаемых сообществ» (Б. Андерсон), где этногенез принимает форму инволюции — коммуникативного инфицирования. В построении соответствующих моделей идентичности закономерно фигурирует далекий от традиционного субъект этногенеза: «Вампир не размножается, он заражает»². Инфекционная форма сборок идентичностей обладает такой особенностью, как мгновенная трансформация идентичности (туннельный переход между онтологическими состояниями с нулевой рефлексией), в отличие от становления (челночной работы рефлексии в промежуточных состояниях). Поэтому вампир — «настоящий мастер трансцендирования»³ устойчивых идентичностей.

Философско-политическая антропология постмодерна лишает исторических перспектив национальное государство посредством дискредитации легитимирующих функций как нации-государства, так и при-

ципа нации в целом. Например, Кэтрин Вердери пишет о том, что в современном мире традиционное понятие нации утрачивает свою актуальность, но вместе с тем нация меняет референтные группы, возникают новые основания, на которых выделяется национальная идентичность. В частности, получают право на существование такие концепты, как «нация арабов» или «нация гомосексуалистов». «В атмосфере ксенофобии и мультикультурализма эти идентичности превращаются в норму в качестве базовых элементов»⁴ социальной стратификации и концептуального переопределения национальной идентичности.

«Любая мысль — уже племя, она противоположна Государству»⁵. Видя очевидную опасность и «возможный позор» перехода темы племени-расы и гладкого пространства мысли в расизм, сектантство, реактивацию фантазмов фольклора, всеохватывающий фашизм и микрофашизмы, Ж. Делез и Ф. Гваттари вводят «достаточно легкий» критерий: «Племя-раса существует лишь на уровне угнетенной расы... Пария и полукровка — вот подлинные имена расы»⁶. Однако этот «легкий критерий» — лишь внеконцептуальная оговорка. Сами же Ж. Делез и Ф. Гваттари ссылаются на вывод Кеннета Уайта о том, что композит племени-расы и пространства-среды «вдохновляет собственно номадическую мысль, которая сметает английскую литературу и создает американскую»⁷. Американскую «расу» с натяжкой можно отнести к классу полукровок, но уж никак не к миноритарному, униженному и угнетенному племени.

Политическая антропология постмодерна, замещающая просвещенческий принцип гражданского и национального самоопределения принципом произвольности сборок социальных отношений и идентификаций, оказывается в двусмысленном положении. Лишая философской легитимности политические идеологии, опирающиеся на национальное государство и соответственно на гражданский и этнокультурный национализм, постмодернизм вынужден легитимировать маргинальные или искусственно сконструированные типы общностей и девиантные социальные практики. Постмодернистская деконструкция тотализирующих структур и сущностных идентичностей и легитимация маргинально-экзотических типов групповой солидарности вряд ли могут служить теоретическим базисом действенных альтернатив процессам делегитимации национального государства и лежащим в его основе формам национальной идентичности.

Вместе с тем необходимо отметить, что всегда парадоксальные и подчас эпатажные модели «вампирической эпистемологии» индивидуальных и коллективных идентичностей являются отнюдь не произвольными плодами изощренной фантазии интеллектуалов, но во многом конгруэнтны картине мира в новой мировоззренческой и общенаучной парадигме, связанной с междисциплинарными разработками в области синергетики, теории диссипативных структур, теории

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. Кн. 2 : Тысяча плато. С. 620.

² Там же. С. 398.

³ Секацкий А. Прикладная метафизика. СПб. : Амфора, 2005. С. 170.

⁴ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм» // Нации и национализм. М. : Праксис, 2002. С. 305.

⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 633.

⁶ Там же. С. 637.

⁷ Там же.

динамического хаоса и т. д. Нетрудно убедиться, что сингулярные трансформации и «машинные сборки» идентичности происходят в соответствии с бифуркационными диаграммами самоорганизации социального, культурного, информационного, эпистемологического пространства, приобретающего структуру динамического хаоса, описываемую фрактальной геометрией самоподобных объектов.

Анализ ключевых для политической антропологии постмодерна текстов, обращающихся к проблеме национальной (этнической) стратификации, должен исходить из того, что как сами анализируемые концепты, так и описываемая ими реальность представляют собой полиморфные комплексы и мультимодельные сборки, находящиеся в метастабильном состоянии и претерпевающие прерывную, катастрофическую эволюцию.

Соответственно критический анализ и нелинейное моделирование этих конструкций исходит из следующих презумпций: а) перехода от детерминистского языка описания к вероятностно-гипотетическому языку метафорической синергетики человекомерных систем; б) перевода плюрализма точек зрения и равноправия конфликтующих интерпретаций на уровень методологического принципа; в) признания того, что дискурс национализма является моделирующей структурой или способом самоорганизации его семантического поля.

Следование этим методологическим презумпциям означает, в частности, что полученные на их основе результаты и выводы komponуют не блок категоричных утверждений и однозначных оценок, но открытую когнитивную среду новых циклов коэволюции многообразия форм национализма и их теоретических моделей.